

человеком своих мироощущений на восприятие моря. Затем эпитеты утратили свой изначальный смысл, что свидетельствует о древности процесса создания олонхо. Также отметим, что морские топонимы входят в состав тирады, условно назовем «Описание моря». Являясь стабильным набором формул, данная тирада предстает в различных образах: «описание места боя», «описание преграды, встающей на пути» и т.д. Прием повтора обладает конститутивным характером и конструктивными функциями. Следовательно, тирада, содержащая морской топоним, является повтором, а сам топоним – вариативной его частью. Топонимы в качестве формулы в составе тирад являются важными структурно-семантическими элементами текста олонхо.

Борисов Юрий Петрович,
Саха (Якутия)

***Ритмико-синтаксический параллелизм в олонхо и в тюрко-монгольских эпосах:
сравнительный аспект***

В результате сопоставления якутского олонхо с тюрко-монгольскими эпосами выяснено, что основные методы образования параллелизма являются одинаковыми. Параллелизм образуется дословными повторениями лексем и словосочетаний, антонимическими и аналитическими противопоставлениями, а также чередованием вариантных и контекстных синонимов.

Установлено, что в алтайском, хакасском и бурятском эпосах предпочтение отдается конструкциям двучленным, а в якутском олонхо параллелизм может достигать внушительных размеров, вплоть до тирадного, за счет количества компонентов, что отражается в объеме якутского олонхо.

Известно, что в вариантных эпосах олонхо абсолютно совпадают только 10,7% ритмико-синтаксических параллелизмов из всех имеющихся. Ритмико-синтаксическим параллелизмам свойственно утрачивать часть своих элементов или компонентов при переходе от одного сказителя к другому, даже внутри замкнутой локальности в пределах одной народности. Возможно, в глубокой древности, наши предки проживали в одной локальности по соседству с предками алтайцев, хакасов и бурятов (эхирит-булагатов), и между ними происходили активные контакты, вследствие чего могли произойти лексико-семантические взаимопроникновения, которые сохранились в синтаксических структурах рассмотренных эпосов.

В качестве аргумента данного предположения можно констатировать, что схожим и однотипным является синтаксический строй параллелизма в якутском олонхо, алтайском эпосе, хакасском алыптыхнымахе и в бурятском улигере. Совпадают также структурная организация и семантическая нагрузка между параллелизмами якутского олонхо и тюрко-монгольских эпосов. Из этого следует, что якутский, алтайский, хакасский и бурятский эпосы, несомненно, являются родственными на уровне эпического синтаксиса.

Вышесказанное доказывает: чем древнее контакты, тем количество соответствий становится минимальным. Между тем, сопоставительный анализ фактического материала показывает обратное.

Наибольшее количество соответствий наблюдается в алтайском и хакасском эпосах. Наименьшее – в бурятском улигере. Из чего следует противоречивое понимание этого явления: либо якутско-бурятские связи гораздо древние, чем якутско-алтайские и якутско-хакасские контакты, либо якутско-бурятские контакты непродолжительные по сравнению с якутско-алтайскими и якутско-хакасскими контактами.

Ввиду недостаточной изученности ритмико-синтаксического параллелизма во всех тюрко-монгольских эпосах, сделать поспешные выводы не стоит. Так как приведенные в работе сходные черты параллелизма могут быть продиктованы аналогичными условиями жизни и быта, а также мифологическими и мировоззренческими представлениями народностей.

Выявлено, что язык олонхо несет в себе широкий пласт ритмико-синтаксических параллелизмов, которые подтверждают полистадиальность параллелизма в синтаксическом строе эпоса олонхо и в тюрко-монгольских эпосах.

Также, в языке олонхо, кроме общеизвестных видов параллелизма содержатся параллелизмы, образованные семантическим разделением парных слов, которые прослеживаются во всех рассмотренных текстах олонхо, и являются одним из функциональных методов образования параллелизма.

Таким образом, параллелизм является основным минимальным языковым средством, несущим в себе максимальную архаичную сущность как в эпосе олонхо, так и в тюрко-монгольских эпосах.

Габышева Луиза Львовна,
Саха (Якутия)

Героический эпос тюрко-монгольских народов: общие образы и мотивы

Фонд общих для эпоса тюрко-монгольских народов Сибири сюжетных мотивов, которые были выявлены в трудах В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, А.П. Окладникова, А.И. Уланова, С.С. Суразакова, И.В. Пухова и др., можно дополнить мотивом стрелы, пущенной богатырем в коновязь (дерево и т.д.) перед отправлением в дальний путь. При этом герои бурятских улигеров и олонхо связывают состояние стрелы с собственной жизнью и судьбой: «Пусть эта стрела с перьями лучшего орла, стоит стоймя, если я буду хорошо ездить. Пусть вылезает перья, если мне будет худо. Пусть спадет железный наконечник, если я умру». Символическое значение стрелы как символа души мальчика (а ножниц – символа души девочки) ярко проявляется не только в эпосе, но и обрядах, поверьях, обычаях, паремиях тюрко-монгольских народов.

В культуре тюрко-монгольских народов масть коней с древних времен выполняла знаковую функцию, и это нашло отражение не только в исторических источниках, но и фольклоре. В связи с этим интерес